

РЕДАКЦІЯ „КІЕВЛЯНИНА“
открыты для подписчиков по 10 коп. в день...

КІЕВЛЯНИНЪ

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.
ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.
ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 13-го ІЮНЯ 1916 ГОДА.
Годъ пятьдесятъ второй.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
„Кіевлянинъ“ съ доставкой и пересл. на годъ...

Городской т. Спектакль легкой комедіи.
НА МАНЕВРАХЪ
13-го Іюня

Вальпургіева ночь
Троицкій. Т. В. Стрюкова.
Петръ Романовскій. Маленькая Блюдина.

2-ой городской т. („ШАТО“)
оперетта по в. Грелова.
Щавинскаго. Тайныя Гарема.

САВАРЕТ Розовый крокодилъ
Совершенно новая программа.
Conferecieer С. П. СЕРГѢЕВЪ.

Василиса
КОРСКО. Кино-театры РЕНЕССАНСЪ
Когда ночь наступаетъ.

Новый театр
Волны жизни
Глушыкинъ въ поискахъ влады. Ждите.

Садъ Кіевского Русскаго Купеческаго Собранія.
ЧЕТВЕРТЫЙ СИМФОНИЧЕСКІЙ КОНЦЕРТЪ
Льва Петровича Штейнберга.

Кіевскій Торговой Судо-Промышленный Банк
СИМЪ ДОВОДИТЪ ДО ВСЕОБЩАГО СВѢДѢНІЯ,
что 31-го мая с. г. ОТКРЫЛЪ СВОИ ДѢЙСТВІЯ

НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА ОГЛОБЛИНА
Поступили въ прод. новыя книги.
Алесь Я. Другъ землекопа. М. 1916 г., 3 р. 50 коп.

Кино-театръ А. А. ШАНЦЕРЪ, Театръ ЭКСПРЕССЪ.
СОВРЕМЕННЫЙ ФАУСТЪ,
Зачѣмъ иные люди женятся.

Театръ Ливскаго, Доброхоты въ Мильтонъ.
Де-Арнольдъ, Дора Строева

Д-ръ ГОЛЬДЕНБЕРГЪ, Д-ръ Н. СЕРГѢЕВЪ,
Д-ръ Н. П. МИНАЕВЪ,
Зубной врачъ Багрова

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга:
Петръ I и Сербія.
Война Австро-Венгрии

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.
Отъ особаго отдѣленія Главнаго Штаба по сбору свѣдѣній о потеряхъ въ дѣйствующихъ арміяхъ.

Убиты прапорщики Александръ Фотинъ Семеновичъ, корнетъ Германъ Валерій Михайловичъ, прапорщикъ Голосининъ Петръ Григорьевичъ, лейтенантъ Александръ Александровичъ, прапорщикъ Александръ Александровичъ, прапорщикъ Александръ Александровичъ.

Александровичъ, прапорщикъ Орловскій Иванъ Николаевичъ, прапорщикъ Петровъ Иванъ Николаевичъ, прапорщикъ Помощникъ Петръ Марковичъ, прапорщикъ Розенбергъ Иванъ Федоровичъ, прапорщикъ Садоръ Филиппъ Трофимовичъ, прапорщикъ Зарковъ Пётръ Викторовичъ, штабс-ротмистръ Яковлевъ Валентинъ Косиловичъ.

Буковинскій фронтъ
Безъ вести пропали прапорщикъ Богачевъ (раненъ) Николай Федоровичъ, корнетъ Шенниковъ Александръ Викторовичъ, поручикъ Викторъ Викторовичъ, были обнаружены въ сѣнѣхъ безъ вести пропавшихъ („Русскій Ивалдъ“ 1915 г., № 125) штабс-капитанъ (раненъ) Николай Ивановичъ Мурдаевъ и въ сѣнѣхъ убиты „Русскій Ивалдъ“ 1915 г., № 90) прапорщикъ Николай Ивановичъ Соколовъ, по дополнительному назначенію главный штабомъ свѣдѣній капитанъ Мураловъ умеръ отъ ранъ въ плену, а прапорщикъ Соколовъ живъ и находится въ плену въ Германіи. (Русск. Ивалдъ.)

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

Кіевъ, 12-го іюня 1916 г.

Резолюція економічної конференції. Паряду съ грандіозними політичними замислами...

За побѣдоносимъ німецькимъ оружіемъ долженъ былъ продвигатися німецькій фронтъ поворотомъ въ італію...

Два года дацана война все болѣе и болѣе вырываетъ почву подъ ногами...

Уже въ началѣ войны состоялось финансовое соглашение союзниковъ о кредитной взаимной поддержкѣ.

А вслѣдъ за этимъ созвана была въ Нарвикъ спеціальная економіческая конференція союзныхъ державъ...

Однако, резолюція напечатать характеръ согласованнаго поведения лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Между тѣмъ столь общая резолюція постановленій конференції являлась серьезнымъ недостаткомъ ихъ.

Поскольку дѣло идетъ о первой группѣ проектируемыхъ мѣръ, а именно, о мѣрѣ пріоритетовъ на время войны...

Нѣкоторые же резолюція, касающіяся мѣр пріоритетовъ на время войны, представляють собою рядъ весьма хорошихъ изъясненій общихъ положеній.

НА РУБЕЖЬ.

Грануло.

Ударно поспѣшно, ярво, и завертываясь, поворачиваясь все безъ удержу...

Заключено военной звездой, обчно безстрастное небо. Заговорили гудки и мраморно далекие и близкіе раскаты, заговорили о смерти и о красотѣ, витѣхъ раздвинулись по волшебному мановенію въ этой странной борбѣ.

А передъ тѣмъ—расцвѣла и отцвѣла спрессъ, расцвѣла жемчужина, начинала вѣть соловей, благоухала вся природа.

И все неслучайно: истекло мѣсячно и безсмертно, а вернувшись теперь бушуетъ свѣтлая война, безпощадная и воинная.

Наканунъ, незадолго до рокового удара, возвѣстившаго миру о томъ, что замедлился успѣхъ фронта отъ Припяти до Румынскихъ предѣловъ—въ сумерки и подвѣсивъ къ красному фольвару у М. Вечерлю.

Светла затѣло въ западъ лавиной

рени этихъ положеній конференціей Слована Германія попрежнему будетъ неполной, нейтральная держава будетъ заниматься снабженіемъ ед...

Что же касается мѣръ, проектируемыхъ для времени послѣ войны, то относящіяся къ нимъ резолюція опять таки редактированы въ слѣдующей общей формѣ.

По отнѣчан указаннымъ недостаткамъ резолюцій ларжской конференціи, нельзя не обратить вниманія на громадное значеніе экономическаго сплоченія союзниковъ.

Общій, пронаказующій резолюціи, тонъ, призывъ къ упорной, систематической борбѣ со всѣми німецькими на территорияхъ союзниковъ—

Въ заключеніи надо обратить особое вниманіе на принятую конференціей резолюцію о солидарности державъ...

Въ заключеніи надо обратить особое вниманіе на принятую конференціей резолюцію о солидарности державъ...

Проф. А. Биландовичъ.

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Періодъ критическаго положенія для неприятеля, когда его войска, ошеломленныя неожиданностью и сокрушительной силой нашего удара, отступали въ безпорядкѣ...

Позтому-то иници, главнымъ образомъ, въ другихъ районахъ собирають подвижныя съ другихъ фронтовъ подкрѣпы и тяжелую артиллерию, и армія генерала Бейденко, одержавъ сжегеное тѣлесное успѣхи, стратегически съ 5 мая сохранила одно и то же положеніе, нѣтъ фронта отъ района Ковеля на Стари черезъ Гурлатинъ, Свидини, Райветого-Басилово, Затурне, Сивини, Гороховъ до Берестека.

НА РУБЕЖЬ.

Ударно поспѣшно, ярво, и завертываясь, поворачиваясь все безъ удержу...

Заключено военной звездой, обчно безстрастное небо. Заговорили гудки и мраморно далекие и близкіе раскаты, заговорили о смерти и о красотѣ, витѣхъ раздвинулись по волшебному мановенію въ этой странной борбѣ.

А передъ тѣмъ—расцвѣла и отцвѣла спрессъ, расцвѣла жемчужина, начинала вѣть соловей, благоухала вся природа.

И все неслучайно: истекло мѣсячно и безсмертно, а вернувшись теперь бушуетъ свѣтлая война, безпощадная и воинная.

Наканунъ, незадолго до рокового удара, возвѣстившаго миру о томъ, что замедлился успѣхъ фронта отъ Припяти до Румынскихъ предѣловъ—въ сумерки и подвѣсивъ къ красному фольвару у М. Вечерлю.

Светла затѣло въ западъ лавиной

Для исполненія ея очередной задачи—вѣдѣ Ковеля и Владимиръ-Вольнска она нуждается въ «сохраненіи» съ тыла, такъ какъ тотъ флангъ, къ ей то и дѣло прорывающійся атака неприятеля, служ...

Пока же эта армія временно получаетъ значеніе ося, опираясь на которую, прочія армія генерала Брусилова исполняютъ маневръ захвата дѣльми немцевъ на прямомъ пути ко Львову черезъ Броды и на средней Стрѣлѣ нами 9 и 10 іюня одержали вторые успѣхи, а фланговая армія генерала Лещинскаго далеко вторглась въглубь южной Галиціи и Буковины, дойдя почти до Коломыи и занявъ г. Курты на западъ, на югъ же она заняла г. Нимнолуцу и такимъ образомъ почти подошла къ румынской границѣ, пресѣдая часть войскъ генерала Флаландера, который черезъ дѣльма прілетѣлъ послѣднѣе оружіе передъ нашими войсками иуд сдѣлать также, перейдя румынскую границу.

Г. Коломыя имѣетъ для юга театра стратегическое значеніе, сходное съ значеніемъ Ковеля на северѣ: это узелъ путей, отходящихъ въ Венгрію, къ Львову, въ тылъ австрійскимъ арміямъ на Стрѣлѣ и въ Буковину. Пока Коломыя въ рукахъ австрійцевъ, армія Флаландера еще находится въ связи съ прочими арміями, оперирующими въ Галиціи. Поэтому заслуживаютъ вниманія слухи, что именно Коломыю австрійцы избрали мѣстомъ сосредоточенія корпусовъ, перебрасываемыхъ ими съ итальянскаго фронта.

Войска ген. Лещинскаго подошли къ Коломыѣ въ 20 верстѣ. Не сегодня-завтра могутъ развиться зѣбскъ бой, исходъ котораго отразится на положеніи въ южной Галиціи.

Армія ген. Гилленбургъ съ каждымъ днемъ проявляетъ болѣе дѣятельности. Началъ свои операціи въ направлѣніи Желѣзныхъ дорогъ отъ Вильны и Лиды на Молодечно расширять свой районъ, сюда нѣкоторые направлена значительныя силы. Однако, ни фронтальное наступленіе въ районѣ Сморгонь—Кревинъ, попытка ударить съ фланговъ—у Дубратовъ 8 іюня и на р. Березинѣ (притокъ Нѣмана) 10 числа не удалась: воздъ они были отброшены съ болѣе высокими нашими войсковыми контр-атаками и огнемъ.

Стояновенія на прочихъ участкахъ имѣють гораздо меншее значеніе, т. е. и въ Озерномъ районѣ и на Отинскомъ каналѣ неприятель предпринимаетъ лишь частныя наступленія, имѣющія цѣль приковать къ мѣсту наши войска и препятствовать намъ использовать свободные резервы для успѣха арміи ген. Брусилова.

Волгинъ.

Разсказъ раненаго.

Въ «Этѣ Россіи» помѣщенъ разсказъ прапорщика В. М., раненаго въ одномъ изъ недавнихъ боевъ.

«Если бы не шрамы на лицѣ, да не улетѣлъ бы въ воздухѣ задушеннаго раба, повторилъ онъ,—я бы думалъ, что все бывшее со мною—сонъ, или случилось съ кемъ-нибудь другимъ.»

«Обыкновенно—завтра въ ночь будетъ атака неприятельскихъ окоповъ.»

Сидѣвъ распоряженъ, безъ особыхъ мыслей въ головѣ, я вышелъ къ предѣльной чертѣ нашихъ окоповъ.

Послышался шумъ пропеллера и на голубое небо выплылъ неприятельскій аэропланъ. Завылалъ перестрѣлка.

Темно, и—все готово. Нашъ полкъ безъ выстрѣла долженъ броситься на неприятельскіе окопы и занять ихъ.

Роты съгруппировались другъ за другомъ. Въ стѣ шагали.

Когда мы тронулись съ мѣста—первая моя опущенія была дѣловая,—какъ можно лучше, беззвучно пройти необходимые дружины. Кругомъ себя и въ себя и чувствовать мохъ солдатъ и живъ выйдеть съ ними таинственной нераздѣльной жизнью.

Рядомъ со мной шелъ Иншфоръ Малкинъ, привѣтливый, широкочелый, никогда не унывающій. Любимой его поговоркой было—«шошакъ, пошла, матушка.»

За мной солдатъ Сидовъ, сынъ шорника изъ Москвы. Далѣе Андрей Колобова, пороченскій хозяйственный мужичекъ, по-товому званіючій Поповаревъ, швейцаръ гимназій Нефедкинъ.

Лавъ разрывныхъ зарядовъ и возраста; но въ мнѣ спланы одной силой, которая должна поидти и вѣсти.

Первые этапы пройдены благополучно.

Нѣсколько стоявъ, походная кроватка въ углу у окна при колебаніи свѣтъ свѣтъ—я различаю остроту роля и близкую клавиатуру. И сразу исчезла пустота этого большого помѣщенія, неуловимости и непривѣтливости его. Роль укралась собой комнату и ласкала взоръ—послѣ столькихъ мѣсяцевъ войны—когда самые звуки его стали чужими.

Н. поймавъ мой взглядъ, такъ долго задерживался на роляхъ.—«Этотъ инструментъ оставленъ здѣсь хозяевами. Ихъ было нѣсколько: лучше уведены—а этотъ—поужее—бросили.» И сколько благодарныхъ надлежалъ на крышкѣ его, афоризмовъ—не перечести.

Онъ поднесъ свѣчу и я сталъ разглядывать надписи карандашомъ на полноразной черной крышкѣ роля.

Вотъ онъ: «Сдѣлавъ трудный переходъ, о-во офицерскіе...скаго полка съ удовольствіемъ наслаждаюсь давно не слышанной музыкой!»

«Застря у насъ—бой. Игралъ марсельезу и полевой маршъ!»

«Влагословенъ тотъ, чья забота остается намъ—путанками войны—этотъ роля.»

«Согласенъ. Болѣе добраго дѣла—не совершилъ, не выдумалъ.» «А играютъ лучше В., но оба—слабожаны.»

«Ничьи! Оберегите этотъ роля—не разбейте его!—въ семьѣ сохранять его, какъ реликвию.»

«Онъ остро—лѣвдымъ своимъ не бывать и М. не видѣть какъ явкъ ушелъ.»

«Узналъ выше читалъ. Люблю.»

«Послѣ боя подъ ** мы вновь были здѣсь. Сторожа нѣтъ: сбѣжалъ, нахалъ, испугался. Поручикъ З. игралъ панхиду 1. Давскаина. Фидиери! Не играйте мансоченно.»

«Въ этихъ звукахъ—«снова, какъ преж-

Вѣ глаза жадно всматриваются въ молчаливое темное пространство. Мражъ двинулся, и хочется, чтобы онъ сдѣлался еще плотнее и непроницаемѣе.»

Вдругъ отступъ, отъ «негъ» предательски вѣсело и, какъ мнѣ показало, злобно навстрѣчу намъ съ разными сторонами вырвался голубоватый, дымчатый свѣтъ, и заблестѣло по пустынной землѣ съ приключеніями въ ней тенными человѣческими фигурами.

Во вѣ времена грозы, ураганы, смерчи спускаютъ порожденіемъ змѣтъ, свѣтъ. Дѣловъ спускалъ ихъ на людей въ быстрой и гнѣвъ.

Дѣловъ вышншаго вѣва спускаетъ со своихъ цѣпей смерть и ураганъ хладно-кровавъ, но пріхоти важная кнопка, при электрическомъ свѣтѣ, съ улабой, съ папирской въ зубухъ.

Вдругъ все задрожало, завывало, задрожало. Казалось, началась странная игра маленькихъ кнопокъ на грозной, дрожащей равнинѣ. Въ этомъ холоднои и трепетномъ свѣтѣ, въ олушающемъ морѣ свиста, вон в треска люди играли какою-то страшную игру: они лопали, вскакивали, перепрокидывались, стремились все вперед и вперед.

Неская и являю онъ—«врагъ», стремились мы. Моя рота была еще въ сферѣ истребленія, но уже земля горѣла подъ моими ногами. Въ тысячахъ разрозненныхъ ошущеній всего яра выдѣлялось нѣсколько: жеманіе не быть трусомъ.

Второе—«чувство родины.»

И третье—«злое чувство предельно профессора машинного производствъ, не поддается назавъ. Гнѣвъ нарасталъ противъ «негъ». Какъ онъ смѣлъ! Надо «его» остановить, уничтожить.

И небылъ въ эту минуту ни крошечки, ни милосердіемъ, ни доброты.

Меня колвало въ ногу. Я раненъ и истиннои полюбъ, такъ легко. Иншфоръ громко закричалъ: «пошла, пошла.» Я рванулся впередъ за нимъ, сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ и оглушаясь. Еще нѣсколько прыжковъ... Что-то ударило меня со стороны въ лицо и прошло подъ глазами.

Раненъ и, какъ бы можетъ, уже смертельно. Мнѣ захотѣлось жить, какъ-нибудь, хоть кускомъ мяса, но только жить. Жить безъ всякихъ условій.

«Я все-таки шелъ къ «нему»... ..И шелъ, не поворачиваясь, ничего не видя и ничего не сознавая. Воздъ меня разорвало и страшною меня на землю.

И поползъ, потому что такъ быль не въ силахъ.

И очнулся вслѣдъ воды, но такой удивительной, какой раньше я не выдумывалъ никогда. Она горѣла миллионами отблѣсковъ ургеней зары, была галауба, свѣтла, а главное, полна галаубаго смысла непреращающейся жизни.

Подожми товарищи...

Воздушная развѣдка.

«Сарат. Листъ» печатаетъ отрывокъ изъ дневника военного летчика.

Заданъ отрядъ изъ штаба корпуса было нѣсколько. Въ предѣлахъ опредѣленнаго мѣстоахожденія неприятельскихъ батарей западнѣ селеній Х, У, Z.

Ногода съ утра ясна, лишь надъ землей тонкая пелена мглы, обшачающаю исчезнуть при самомъ малѣнькомъ вѣтрѣ. Но вѣтра нѣтъ. Одинъ изъ летчиковъ поднимается «пробовать» воздухъ и видимость, окурко возвращается,—видимость, сверху сдержанно, достаточна.

Мой аппаратъ готовъ, балъ полны бензиномъ и масломъ, двѣ пушвы бомбы подвѣшены къ бомбооту.

Со мной, въ качествѣ наблюдателя, летѣтъ нашъ младшій «аэроинженеръ»—подпоручикъ Д. На этотъ разъ таинственна предчувствія его не гнетуть, и онъ летитъ охотно.

Въ 8 часъ 30 мин. мы взлетаемъ. Вѣзъ 1,500 метровъ и, продолжая набирать высоту, поплывъ въ сторону неприятеля. Наблюдатель, вооруженный карандашомъ и картой, устанавливаетъ на компасъ и молчаливо. И веду аппаратъ къ линии предпологаемыхъ неприятельскихъ батарей. Надъ линіей фронта алтиметръ показывалъ уже 2,000 метровъ. Внизу черной извилистой линіей тѣлуется рядъ, разблѣвшаяся вражеская лагеря. Рядъ берега тѣлуется первая линия неприятельскихъ окоповъ. Свѣтла и темная полоса заброшенныхъ полей прорывалась аманскими линиями дѣловыхъ сообщеній.

Настъ замѣтили: молчаливые окопы ожидали. Начался частый обстрѣлъ аппарата.

«Сарат. Листъ» печатаетъ отрывокъ изъ дневника военного летчика.

Заданъ отрядъ изъ штаба корпуса было нѣсколько. Въ предѣлахъ опредѣленнаго мѣстоахожденія неприятельскихъ батарей западнѣ селеній Х, У, Z.

Ногода съ утра ясна, лишь надъ землей тонкая пелена мглы, обшачающаю исчезнуть при самомъ малѣнькомъ вѣтрѣ. Но вѣтра нѣтъ. Одинъ изъ летчиковъ поднимается «пробовать» воздухъ и видимость, окурко возвращается,—видимость, сверху сдержанно, достаточна.

Мой аппаратъ готовъ, балъ полны бензиномъ и масломъ, двѣ пушвы бомбы подвѣшены къ бомбооту.

Со мной, въ качествѣ наблюдателя, летѣтъ нашъ младшій «аэроинженеръ»—подпоручикъ Д. На этотъ разъ таинственна предчувствія его не гнетуть, и онъ летитъ охотно.

Въ 8 часъ 30 мин. мы взлетаемъ. Вѣзъ 1,500 метровъ и, продолжая набирать высоту, поплывъ въ сторону неприятеля. Наблюдатель, вооруженный карандашомъ и картой, устанавливаетъ на компасъ и молчаливо. И веду аппаратъ къ линии предпологаемыхъ неприятельскихъ батарей. Надъ линіей фронта алтиметръ показывалъ уже 2,000 метровъ. Внизу черной извилистой линіей тѣлуется рядъ, разблѣвшаяся вражеская лагеря. Рядъ берега тѣлуется первая линия неприятельскихъ окоповъ. Свѣтла и темная полоса заброшенныхъ полей прорывалась аманскими линиями дѣловыхъ сообщеній.

Настъ замѣтили: молчаливые окопы ожидали. Начался частый обстрѣлъ аппарата.

«Сарат. Листъ» печатаетъ отрывокъ изъ дневника военного летчика.

Заданъ отрядъ изъ штаба корпуса было нѣсколько. Въ предѣлахъ опредѣленнаго мѣстоахожденія неприятельскихъ батарей западнѣ селеній Х, У, Z.

Ногода съ утра ясна, лишь надъ землей тонкая пелена мглы, обшачающаю исчезнуть при самомъ малѣнькомъ вѣтрѣ. Но вѣтра нѣтъ. Одинъ изъ летчиковъ поднимается «пробовать» воздухъ и видимость, окурко возвращается,—видимость, сверху сдержанно, достаточна.

Мой аппаратъ готовъ, балъ полны бензиномъ и масломъ, двѣ пушвы бомбы подвѣшены къ бомбооту.

Спарды рвутся близко, близко: взрывъ мотора слышимъ даже звуки разрыва. Вспыхиваютъ другъ за другомъ ярлыки дымки, раскатываются въ бѣлая облака, flame и чаще слышимъ разрывы; аппаратъ толчками воздуха покачивается. Давъ аппаратъ немного вынулъ и на правый ходъ старается пройти опасное мѣсто. Вдругъ позадилно аппаратъ вренитъ вѣдво, слышны гулы. Инстинктивно выравниваю вренъ, отдалываюсь—у хвоста, саженьна въ 10—15, на высоту аппарата расплываются облака дыма—брызгантый снарядъ.

Наблюдатель вертится на сидѣньи, притѣвляеть, что-то отблѣвляеть на картѣ и зашѣ кричитъ: —Замѣтилъ батарею! Берите выше, но не уходите; кружитесь на мѣстѣ!

Кружитесь 2,100, 2,200 метровъ.

Вдругъ снова гулы и грохотъ, по крѣпкамъ что-то забарабанило. Отдалываюсь снова—облако дыма чуть слышно, но немного выше правительственна пули и осколки обратными полетомъ поплыли въ аппаратъ.

Наблюдатель повознованно кричитъ: —Еще выше, выше! Намѣтъ батарею, наново на карту.

Алтиметръ показывають 2,500.

Моторъ побѣдно рѣветъ—естъ еще запасъ мощности. Моту при нуждѣ палнуть и до 3 тысячъ метровъ. Но это импее: только случайно можно попасть въ топу, парашю на высоту 2½ тысячъ метровъ. Безобидные теперь клубяны дыма рвутся далеко по сторонамъ аппарата.

Мы доплыли—три неприятельскихъ батарей, тщательно укрѣпленъ за лѣсковъ, нацелены на карту—задане выполнено.

Наблюдатель уже веселъ: не смѣшно его укрѣпленнаго областью возлза «выше». Назавляется опять ко мѣб и кричитъ: —Держите на батарее. Пушу бомбу.

Пушвы снарядъ летитъ выше, гудъ какъ паровозъ, вздымаетъ вѣзны батареи огромный клубъ дыма, земля и еше Богъ вѣстъ чего.

Панька наведена. Молчащия батареи оживились и по аппарату начинаютъ стрѣлять.

—Теперь вѣдво окопы! Пусяю втрю.

Иду вѣдво окопы. Гудитъ грохотъ пушвы бомба и опять шумъ и грохотъ, но уже въ окопѣ. Густой дымъ закрываетъ все.

Взрывы бомбъ послужили сигналомъ къ возобновленію умовавшаго обстрѣла. Свова вокругъ насъ началъ вспыхивать клубъ дыма.

Осталось здѣсь было безопасно. Нильта запасъ высоты 500 метровъ, сверху безопасной, я даю аппарату малѣнькій уклонъ и повернуть въ сторону нашего расположенія.

Вѣсъ запасъ мощности, шедшій на подлѣкъ, теперь пошелъ на скорость, и снижающій, облетѣнный аппаратъ безъ части бензина и бомбъ, стрѣлой несся впередъ.

Вѣдво клубы вспыхивали все дальше и дальше. Аппаратъ развивалъ скорость 140—150 верстъ въ часъ.

Была лихость въ полѣтѣ.

Епископъ на передовыхъ позиціяхъ.

При войскахъ, действовавшихъ въ районѣ Старого и Новаго Почаева, какъ отблѣвляють «Виржъ Вѣдво», все время находился епископъ Діонисій кременецкій, посылалъ передовые отряды и совершая такъ черновую службу.

Въ полку, стоащемъ у Почаевскаго лавры и потомъ эту лавру занимаемъ, заболѣвъ полковой священникъ.

Не желая оставить полкъ въ такое горячее и боевое время безъ пастырскаго воздѣйствія, епископъ Діонисій привалъ на себя исполненіе обязанностей полкового священника. Вызвалъ нѣсколько разъ на передовыя позиціи, занимаемыя этимъ полкомъ, и не только доходилъ до передовыхъ окоповъ, но даже до передовыхъ сторожевыхъ охраненій, находящихся въ расстоеніи 40 шаговъ отъ неприятеля.

По сообщенію епископа Діонисія, при посѣщеніи имъ каждой роты, взводъ за взводомъ, во главѣ съ ротными командирами и офицерами, подходили къ нему подъ благословленіе. Если позволили время и обстоятельство боевой обстановки, епископъ Діонисій бесѣдовалъ съ нижними чинами, ободряя ихъ въ бояхъ. Два раза епископъ Діонисій былъ подъ непосредственнымъ боевымъ обстрѣломъ неприятеля. Многихъ больныхъ и раненыхъ онъ напуществовалъ, а въ минувшее воскре-

сѣе записъ мощности, шедшій на подлѣкъ, теперь пошелъ на скорость, и снижающій, облетѣнный аппаратъ безъ части бензина и бомбъ, стрѣлой несся впередъ.

Вѣдво клубы вспыхивали все дальше и дальше. Аппаратъ развивалъ скорость 140—150 верстъ въ часъ.

Была лихость въ полѣтѣ.

Воспреніе обратнаго движенія бѣженцевъ на западъ.

Въ Житомирскій и Новоградволинскій уѣздахъ, гдѣ болѣе частью въ німецькихъ колавахъ расселены бѣженцы, послано объявленіе, въ которомъ бѣженцамъ объявляется, что до особаго распоряженія обратное движеніе ихъ строго воспренено военными властями и потому самостоятельное возвращеніе не будетъ доущено. Оставшіе самостоятельна мѣста терпѣливо расселенія и дѣлунышнѣе по направленію въ западную часть губерніи будутъ переданы въ восточную и лѣсныя права на бесплатное получение пищи, продуктовъ и вообще всякой опеки. О времени, когда послѣдуетъ разрѣшеніе возвращаться на родину, будетъ объявлено особо, причѣмъ будутъ указаны пути движенія.

Объявленіе это, по словамъ «Жиз. Волъ», разослано управленіемъ по устройству бѣженцевъ.

Отложено драви.

Возстаніе въ Аравіи и провозглашеніе ея независимости произошли въ Бернѣ ошеломляющее впечатлѣніе. Министерство иностранныхъ дѣлъ уклонилось отъ всякаго объявленія, ссылаясь на то, что еще не получено официальнаго сообщенія Порту.

Печать, твердившая раньше о колл-

служебная непринятость повергаи Ивана въ «умное» состояніе, т. е. онъ бывалъ тогда истерико опечаленъ, что его «господство» плохо». Неумеренно, что незлобивый Н. самъ привалезъ въ Ивану и былъ не мало обрадованъ, когда въ іюль 1914 года по мобилизаціи Иванъ снова оказался у него, какъ и въ дни молодости.

Теперь вѣдво преняго заботого, передо мной стоялъ бравый Иванъ, молодой, какъ куца. Жизнь не шутитъ—вѣдво отбѣсала, обсебала его пороздому. И говорилъ онъ на обще-политомъ языкѣ—прежнего жаргона не было и слыа.

На мѣнъ онъ смѣрилъ съ какими-то любовными подвѣрженіемъ. «Былъ вѣдво, мальчуганомъ—и вдругъ теперь «его благогородно»—должно быть послесло у него въ головѣ. Позволимъ, и раньше онъ говорилъ мнѣ «ваше благогородно», но это было не

